

— Кончай уже, спи! — прошептал Фу Кунь.

— Ой.

Фу Ицзэ поерзал немного и тут же уснул. Фу Кунь тоже провалился в дрему, сам не зная когда, но всю ночь его мучили кошмары.

Сначала приснилась рука Чжан Кэсинь, приснилось, как она тянет его покупать печеный батат. Но насладиться моментом он не успел — сон исказился.

У лотка с бататом он столкнулся с Ван Чжицзяном, который со зверской гримасой тоже потянулся к его руке. Фу Куня охватило одновременно отвращение и страх, он бросился бежать, но не успел сделать и пары шагов, как перед ним возникла Чжан Кэсинь: высунув язык на полметра, она погналась за ним, выкрикивая: «Дай укушу, давай укушу язык...»

В ужасе он помчался в другую сторону, а Чжан Кэсинь не отставала, на бегу распевая: Золотая карета, цок-цок-цок, Фан Цзиньхуа, цок-цок-цок...

Утром его разбудила подушка, прилетевшая в лицо от матушки. Он долго пялился в потолок, прежде чем пришел в себя.

— Ну вот еще... — он нащупал будильник: половина шестого. До подъема в шесть тридцать оставался еще час, и это его расстроило. — Чего вам надо-то?

— Вставай, иди бегай, — матушка дергала его за рукав, перегнувшись через край кровати.

— Бе... гать? — Фу Кунь с трудом вытянул наружу половину тела и только тут заметил, что кровати Фу Ицзэ пустует. — А Ицзэ где?

— Я же говорю, вставай! Ицзэ уже побежал! Сопроводи его, а то мне завтрак готовить, некогда с ним возиться, — матушка хлопнула его по голой спине.

— Он бежит? С чего бы это? — Фу Кунь не хотел вставать, но раз уж речь об Ицзэ, пришлось натянуть одежду и спрыгнуть на пол.

— Наверное, твой батюшка вчера сказал, что от бега растут, вот он и побежал. Только что ушел, догоняй, — торопила матушка. — Он с Дюсю пошел.

Фу Кунь, наспех умывшись, натянул спортивный костюм и выскочил на улицу.

Мартовское утро выдалось холодным, стоило выйти из подъезда, как Фу Куня тут же затрясло. Он и не думал, что Фу Ицзэ так всерьез воспримет идею подрасти; он-то был уверен, что у мальчишки на уме только поцелуи.

Фу Ицзэ всегда был ниже него почти на две головы, когда только пришел к ним, едва доставал до груди — с тех пор мало что изменилось. Фу Кунь не обращал на это внимания: для него Ицзэ оставался тем же маленьким шариком, который пришел в их дом, — хорошенький, даже краше любой девчонки в классе. О росте брата он вообще не задумывался.

Бежать трусцой и вздыхать: «Э-эх...» — было привычным делом. Фу Кунь знал, куда побежал

Ицзэ: у того была привычка всегда сворачивать направо, неважно, с какой стороны они выходили из дома.

Через десять минут он увидел впереди фигуру в синем спортивном костюме и маленькую желтую собаку. Ицзэ бежал по тротуару очень старательно. Фу Кунь не стал сразу подходить, а пристроился следом. Приглядевшись, он вдруг осознал, что Ицзэ действительно подросток: пусть по-прежнему невысокий, но уже не такой круглый, стал заметно стройнее.

— Ицзэ! — окликнул он.

Тот вздрогнул, резко обернулся, и, увидев Фу Куня, радостно закричал:

— Брат!

Дюсю, виляя хвостом, бросилась к нему, и Фу Кунь отпрянул назад:

— Стой, стой!

Собака остановилась, а Ицзэ, сияя, прибежал к нему.

— Бойкий какой! — Фу Кунь раскинул руки, и Ицзэ, влетев в него на полном ходу, уткнулся в грудь. И правда, лицо Ицзэ больше не такое круглое, черты заострились.

— Ты как здесь оказался? — звонко спросил Ицзэ.

— Боялся, что заблудишься, — Фу Кунь потрепал его по голове. — Пошли, составлю компанию.

— Я знаю дорогу, я от дома до рынка, кружок — и назад, — выпалил Ицзэ. Он и так сбивчиво дышал, а от волнения дыхание совсем перехватило.

— Тише, — Фу Кунь замедлил шаг. — И чего это ты надумал бегать? Вчера ни слова не говорил.

— Хочу быть одного роста с тобой, — серьезно ответил Ицзэ.

Хочу быть как ты — эти слова Фу Кунь слышал часто. Ицзэ хотел такую же одежду, как у старшего, такие же брюки, сумку, ручки, обложки для тетрадей, чашку, полотенце — теперь вот очередь дошла до роста.

— Ну тогда не спеши, я помедленнее расти буду, подожду тебя, — Фу Кунь развернулся и побежал спиной вперед.

Ицзэ отличался от Фу Куня. Кунь с детства был сорванцом, лазил по деревьям и пропадал на речке, поэтому рос крепким. Ицзэ же хорошо учился, был усидчивым, но не слишком спортивным. Однако, если уж он за что-то брался, то отдавался этому без остатка.

Насчет роста: с того самого дня, как решил бегать, он ни разу не пропустил тренировку, в любую погоду выходил с Дюсю.

Спустя несколько месяцев Фу Кунь заметил, что даже Дюсю стала стройнее — то ли вытянулась от бега, то ли похудела. А вот подросток ли Ицзэ... он не замечал.

Ицзэ не ограничился бегом, он начал играть в баскетбол. Чжан Цинкай, в школьные годы состоявший в баскетбольной команде, показал ему пару движений, и Ицзэ стал после уроков бегать на площадку автобусного парка.

Фу Кунь тоже любил баскетбол, но перед поступлением в среднюю школу его завалили домашними заданиями так, что вздохнуть было некогда. Он бросил бегать с братом, просыпаясь с тяжелым сердцем.

Учителя требовали приходить к половине седьмого утра и переписывать задания с доски. Когда Фу Кунь, окончательно осоловевший, добирался до школы, доска уже была исписана мелким почерком — на одно только переписывание уходила куча времени. Писать надо было быстро: как только учитель замечал, что большинство закончили, он стирал написанное и начинал новую порцию. Фу Куню казалось, что если бы у него были копыта, они бы уже давно стерлись в порошок.

Все активности вроде утренней зарядки или разминок отменили. Оставили только гимнастику для глаз, но времени на нее не было — пока сделаешь, учитель уже все стирал.

Школу выбирали по району, Фу Кунь должен был идти в седьмую, но матушка с учителем Яном решили, что лучше выбрать первую. Учитель Ян считал, что Кунь парень смывленный и хорошая среда ему поможет, а аргумент матушки был куда проще: при поступлении из средней школы в старшую в первой школе порог баллов был ниже, чем в других.

Если не в первую, то только в седьмую, а седьмая, по словам матушки, была тренировочной базой для хулиганов. Попади туда такой непутевый и слабовольный парень, как Фу Кунь, и станет общественной угрозой.

Кунь считал, что ему в общем-то все равно, где учиться, и не стоит ради этого тратить лишние деньги и выжимать из себя все соки. Но в итоге он все же зарылся в тетради не только потому, что не мог послушаться матушку. Причин было две: во-первых, Ван Чжицзян учился в седьмой, а во-вторых, у первой школы была очень стильная форма — у мальчиков пиджаки со стоячими воротничками, у девочек черные юбки до колен. Это выглядело куда лучше, чем их широкие, как халаты даосов, спортивные костюмы в сине-белых и желто-серых тонах.

Однако путь к заветному пиджаку был сродни аду. Сунь Вэй, которому светила седьмая школа, решил не напрягаться: Пойду в седьмую, там мы тоже останемся не разлей вода.

Эти слова навяли на Фу Куня тоску: он остался один, вынужденный рано вставать и поздно ложиться, чтобы переписывать бесконечные столбики цифр ради формы первой школы. Единственным утешением было, когда после звонка он поднимал глаза к окну и видел, как Ицзэ улыбается ему снаружи.

Ицзэ перестал быть таким плаксой, как в детстве, хотя, если требовалось, мог по первому щелчку пустить слезу, от которой у любого сердце сжималось от жалости. Теперь он чаще смеялся, и его большие глаза превращались в полумесяцы. Улыбка Ицзэ приносила Фу Куню покой. К тому же, его всегда упрекали в том, что он хуже младшего брата, а тут он впервые за много лет создал себе положительный имидж.

Мучительные полгода, когда учителю в кошмарах мерещились железные лопаты, которыми он

заставлял их писать без конца, наконец закончились.

Когда матушка получила извещение из первой школы, она так разволновалась, что чуть не оторвала учителю Яну руку, а потом принялась хлопать Фу Куня по спине:

— Хороший сын! Молодец!

— Ой... — Кунь закашлялся. Он тоже был рад, но больше чувству облегчения.

Вернувшись домой, еще не дойдя до лестницы, они слышали голос Ся Фэя:

— Тетушка Сяо.

— А! — матушка была в отличном настроении.

— В первую? — спросил Ся Фэй.

— В первую! Ха-ха, в первую! — радостно прокричала матушка, словно выступала на сцене.

Ся Фэй улыбнулся и поднял большой палец вверх.

Фу Кунь смущенно почесал в затылке: матушка светилась так, будто он поступил в Пекинский университет. Через пару минут вся общага знала, что непутевый Фу Кунь зачислен в первую школу.

Ему было неловко, он считал это глупым, но, вспомнив, как редко его хвалили, и как матушке доставалось от учителей, решил, что это стоит того. Он не стал признаваться, что пошел туда только ради ее спокойствия и стильной формы.

— Сын! — за ужином батюшка налил ему рюмку, пододвинул и серьезно посмотрел в глаза.

Кунь удивился, украдкой взглянув на матушку и Ицзэ, который сидел, подперев щеку, и улыбался. Кунь неуверенно взял рюмку:

— А?

— Я знаю, что ты не создан для учебы, — сказал батюшка.

Фу Кунь опешил. Правда, конечно, но сейчас это звучало как-то не к месту.

— Ваша правда, — ответил он.

— Первая школа — не самое лучшее место, но для тебя это чудо. Знаю, ты не хотел разочаровывать мать, — продолжал батюшка. Фу Кунь не знал, как реагировать. Помолчав, батюшка добавил: — Но не дави на себя. Мы никогда от тебя ничего не требовали, главное — чтобы ты был счастлив.

— Фу Цзяньго, что ты хочешь этим сказать? — не выдержала матушка.

— Я к тому, чтобы он не загонял себя. Мы не давим. Про деньги на школу не думай. Если потянешь — учись, не потянешь... ты за полгода так похудел... — батюшка тяжело вздохнул.

Фу Кунь наконец понял. Он сам не замечал, как исхудал — некогда было в зеркало смотреться,

— но по голосу батюшки понял, что тот за него переживает.

Он чокнулся с отцовской рюмкой:

— Понял, батя, не переживай. Когда это я себя загонял?

— Точно! А в первую школу он поступил не из-под палки, может, там какая девчонка учится, которая ему приглянулась, — засмеялась матушка. — Ешьте!

Батюшка опрокинул рюмку. Фу Кунь, воспользовавшись тем, что матушка отвернулась, тоже выпил залпом.

Весь вечер матушка ворчала из-за этой выпивки. Кунь, который впервые так официально пил, то ли от радости, то ли от алкоголя, сидел на диване и глупо улыбался. Ицзэ сидел у его ног, обнимал Дюсю и тоже улыбался вместе с ним.

Около восьми постучали. Матушка открыла дверь и увидела Сунь Вэя с глупой улыбкой на лице.

— Ой, вы что, сегодня сговорились все с ума посходить? — вздохнула она.

— Здравствуйте, тетушка, — Сунь Вэй просунул голову в дверь. — Кунь, выйди на минутку.

— Чего еще? — Фу Кунь не хотел вставать. — Заходи.

— Выйди давай! — Сунь Вэй огляделся по сторонам, словно вор, и пошел прочь.

Фу Куню пришлось плестись за ним.

— Поздравляю с поступлением! — Сунь Вэй отвел его за дом, хлопнул по плечу и сунул в руку книгу. — На, глянь.

— Что? Книга? — Фу Кунь не любил читать, от одного вида букв у него голова начинала болеть, к тому же обложка была оторвана, и выглядела книга так, будто ее подобрали на помойке. — Это тебе к Ицзэ, он любит...

— Только не ему! Ни в коем случае! — всполошился Сунь Вэй.

Фу Кунь нахмурился и открыл книгу на первой попавшейся странице. В свете фонаря первая же строчка заставила его затаить дыхание. Он тут же захлопнул книгу и спрятал за пазуху.

— Блин! Где ты ее откопал?!

...Она была без единого лоскутка одежды, под белоснежной прозрачной тканью все просвечивало...

Увидев эту строчку, Фу Кунь сразу понял, что это за книга. Он-то думал, Сунь Вэй ничего приличного принести не мог!

— Будешь читать? Нет — отдавай, — Сунь Вэй потянулся за книгой.

— Сойдет, — Кунь быстро спрятал ее подальше в одежду.

Сунь Вэй усмехнулся:

— В последнее время ты к Чжан Кэсинь вообще не подходишь, я думал, тебе уже неинтересно.

— Это все из-за экзаменов, — отмахнулся Кунь.

На самом деле таких книг — помеси боевиков и любовных романов с кучей «недетского» контента — в пунктах проката было полно. Они всегда лежали в самых дальних углах, были затрепаны донельзя, и их постоянно крали.

Фу Кунь раньше их не читал, да и матушка следила строго: узнай она, что он читает такое, заставила бы его взорвать этот прокат вместе с книгами. Втихаря он листал только хулиганские комиксы, которые легко было спрятать.

Но на этих каникулах дел не было, так что можно рискнуть. С тех пор как он подержал Чжан Кэсинь за руку, его мысли то и дело возвращались к «этим делам», а комиксы не давали ответов. Эта строчка была словно ключ, который замаячил перед глазами...

Поболтав еще немного с Сунь Вэем, Кунь вернулся домой. Ицзэ уже сделал уроки и смотрел телевизор с Дюсю. Родители обсуждали покупку одежды к выходным, никто не обратил на него внимания. Кунь притворно взял стакан воды, зашел в комнату, якобы чтобы найти тетрадь, и, открыв ящик, сунул туда книгу.

Закрыв ящик, он выдохнул и собрался было вернуться к телевизору, как вдруг увидел, что Ицзэ стоит прямо за его спиной с собакой на руках. От внезапного испуга ноги у Куня подкосились, он сел на стул, прикрыв рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

— Напугал до смерти! — прошептал Кунь.

— Что это? — Ицзэ опустил Дюсю на пол и уставился на ящик.

— О чем ты? — Кунь прикрыл ящик собой.

— Ты только что туда положил.

Ицзэ подошел ближе и, как ни в чем не бывало, уселся к нему на колени.

— Ничего особенного, Сунь Вэй дал комиксы, — в ящике у него и правда было много комиксов.

Ицзэ посмотрел на него, расспрашивать не стал, обнял за шею, прижался плечом и замолчал.

— Что такое? — Кунь погладил его по спине.

— Первая школа и третья начальная — по пути? — спросил Ицзэ.

— Ну, не совсем. На перекрестке прямо — третья начальная, налево и еще через два квартала — первая, — подумал Кунь.

— Значит, ты не сможешь провожать меня до самой школы, — голос Ицзэ был тихим и

грустным.

Кунь засмеялся:

— Только из-за этого? Так я все равно буду провожать тебя до перекрестка, а там уже сверну.

— Проводи меня до школы, — тихо попросил Ицзэ.

— Мне же круг делать придется, — Кунь засомневался, но, увидев реакцию брата, понял: — Ты просто не хочешь идти пешком? Давай я тебя кататься на велосипеде научу? Попросим матушку купить тебе свой.

Ицзэ молчал.

Кунь хлопнул себя по лбу:

— Ты же до педалей не достаешь!

И сам рассмеялся. Хотя смеяться не хотелось, но вид Ицзэ, тщетно пытающегося дотянуться до педалей, представился ему очень ярко.

Ицзэ посмотрел на него и со вздохом отвернулся. Он действительно не доставал, но дело было не в этом — он просто хотел ходить в школу вместе с братом.

— Давай так: я научу тебя крутить пол-оборота, — Кунь сдерживал смех. — Если не получится, будешь на одной педали стоять и отталкиваться, как на самокате...

— Ма-ам! — Ицзэ с обидой в голосе позвал из комнаты.

— Эй, не надо! Не кричи! — всполошился Кунь.

— Фу Кунь! — матушка уже вбежала в комнату. — Ты чего творишь?

— Да ничего я не сделал! — возмутился Кунь. — Мы просто болтали!

— Болтали так, что брата до слез довел? — матушка не поверила.

— Ты же знаешь, у него кнопка «пуск» в голове, — Кунь взял Ицзэ за лицо и повернул к себе. — Ладно, ладно, буду провожать тебя до школы, а потом пойду в свою.

— М-м! — Ицзэ просиял и закивал.

Вечером перед сном Ицзэ вернулся из туалета и не нашел Куня в комнате — тот, наверное, ушел в ванную. Было жарко, и Кунь бегал туда по пять раз на дню.

Ицзэ зашел в их комнатку и открыл ящик брата.

В ящике царил хаос — Кунь всегда все бросал как попало, иногда ящик даже не открывался. Сверху лежали комиксы, тетради, куча карандашей. Ицзэ пошарил внутри и нащупал старую, рваную книгу. Раз Кунь так берег комиксы, эта вещь точно была не его.

Ицзэ вытащил книгу. Полистал и решил, что по сравнению с тем, что было у Ся Фэя, эта книга вообще неинтересная. Но когда он собрался положить ее обратно, его взгляд упал на страницу,

целиком заполненную многоточиями. Он прочел столько книг, но впервые видел, чтобы в тексте было столько точек подряд.

<http://bllate.org/book/21935/2278936>